

Нунуев Саид-Хамзат Махмудович

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В УСЛОВИЯХ МНОГОСОСТАВНОГО ОБЩЕСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)

Определены параметры политической институционализации исламских объединений в условиях многосоставного общества (на примере Автономной Республики Крым в 1992 - феврале 2014 г.). Выявлены изменения этнодемографии и ареала расселения мусульман в Крыму. Установлен институциональный тип строения исламских объединений. Раскрыты проявления роста влияния экстремистских организаций - партии "Хизб ут-Тахрир аль-Исламия", салафитов. Определены тенденции развития общественного мнения мусульман Крыма по политическим вопросам.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/11-1/33.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. I. С. 120-125. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

9. **История и культурология:** учебное пособие для студентов вузов / Н. В. Шишова, Т. В. Акулич, М. И. Бойко, А. М. Власова, О. В. Дружба, А. Ю. Новиков, В. А. Рамих, В. А. Ушкалов; под ред. Н. В. Шишовой. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Логос, 2000. 456 с.
10. **Касьянов В. Е.** Эволюция религиозности в постсоветской России: дисс. ... к. филос. н. Ростов-на-Дону, 2005. 146 с.
11. **Митрохин Л. Н.** Философия религии: новые перспективы // Рационализм и культура на пороге III тысячелетия: приветствия и пленарные доклады Третьего российского философского конгресса. Ростов-на-Дону, 2003.
12. **Мошков Я.** Святые Новомученики и Исповедники Российские, молитесь Богу о нас! [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2014/02/10/svyaty_e_novomucheniki_i_ispovedniki_rossijskie_molite_boga_o_nas/ (дата обращения: 16.05.2014).
13. **Насртдинова В. М.** Тенденции религиозного сознания российского общества перестроечного времени // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (55). Ч. 1. С. 132-134.
14. **Об объявлении 7 января (Рождества Христова) нерабочим днём** [Электронный ресурс]: Постановление Верховного Совета РСФСР от 27.12.1990 г. № 2981-1. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901818286> (дата обращения: 20.08.2015).
15. **Синелина Ю. Ю.** Религиозность в современной России // Отечественные записки. 2013. № 1 (52). С. 243-255.
16. **Филатов С. Б.** Парадоксы современной российской религиозности // Языческие верования и христианство Русского Севера: сб. науч. тр. / ред.-сост. Д. Г. Шкаев; отв. ред. Г. В. Хлебников. М., 2012. С. 7-20.
17. **Филатов С. Б.** Послесловие. Религия в постсоветской России // Религия и общество: очерки религиозной жизни современной России. М. – СПб.: Летний сад, 2002. С. 470-483.
18. **Франсузов Л. М.** Жуть с ружьем [Электронный ресурс]. URL: <http://frantsuzov.ru/texts/jut.html> (дата обращения: 15.07.2015).
19. **Чеснокова В. Ф.** Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический Проект, 2005. 297 с.
20. **The Holocaust and the Book: Destruction and Preservation** / ed. by J. Rose. Amherst: University of Massachusetts Press, 2008. 328 p.

ORTHODOX RELIGIOSITY IN POST-PERESTROIKA RUSSIA: RETROSPECTIVE SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Nasrtdinova Valentina Mikhailovna
Kazan (Volga Region) Federal University
vmnasrtdinova@mail.ru

Analyzing transformative processes peculiar to the religious consciousness of post-perestroika Russia the author examines the characteristics of religious sphere in the life of the Russian society of the period under consideration and appeals to the phenomenon of the large-scale attention of the society to Orthodoxy in the last decade of the XX century. In the framework of this paper social and philosophical arguments for the significant socio-cultural interest of the Russians to Orthodoxy and the activity of the Russian Orthodox Church are substantiated, the nature of contemporary Orthodox religiosity is considered.

Key words and phrases: Russian religious consciousness; Russian Orthodox Church; post-perestroika period; spiritual revival; mass christening; churching.

УДК 323:28(470+571):(477.75)

Политология

Определены параметры политической институционализации исламских объединений в условиях многосоставного общества (на примере Автономной Республики Крым в 1992 – феврале 2014 г.). Выявлены изменения этнодемографии и ареала расселения мусульман в Крыму. Установлен институциональный тип строения исламских объединений. Раскрыты проявления роста влияния экстремистских организаций – партии «Хизб ут-Тахрир аль-Исламия», салафитов. Определены тенденции развития общественного мнения мусульман Крыма по политическим вопросам.

Ключевые слова и фразы: исламские объединения; политическая институционализация; многосоставное общество; Крым; крымские татары; крымское общество; конфессии.

Нунуев Саид-Хамзат Махмудович, к.и.н.
Чеченский государственный университет
nunuev2015@yandex.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В УСЛОВИЯХ МНОГОСОСТАВНОГО ОБЩЕСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)®

Тема статьи обладает актуальностью и в теоретическом, и в прикладном аспекте политической науки. В глобализируемом мире растет число стран и регионов, которые имеют поликонфессиональное население,

в том числе – мусульманское. Актуализируется проблема артикуляции и агрегации интересов исламских объединений, их интеграции в многосоставные общества, поддержания конфессионального мира. В условиях воссоединения Крыма с Россией особенно важно определить причины институциональной и социокультурной сегментации крымского сообщества, сложившиеся за период контроля Украины над полуостровом. Это позволит органам государственной власти, политическим партиям, СМИ проводить более компетентную и эффективную политику реинтеграции крымских мусульман в российское общество.

Тема исследована в российской и зарубежной политической науке неравномерно. Преобладают обзорные работы, освещающие политические процессы в Крыму под углом зрения российско-украинских межгосударственных отношений [6], а также внутрорегиональных факторов конфликтности [14]. Относительно крымских татар основное внимание и российские, и украинские эксперты уделяют этнополитическому аспекту развития [1; 4, с. 53-58]. Среди специализированных исследований политизации ислама в Крыму полезно выделить работы Э. С. Муратовой и Н. В. Куц [12; 15], основанные на анкетных и экспертных опросах. Политико-географический ракурс конфессиональной мобилизации раскрыт в статьях А. Б. Швед [23], А. Г. Шевчука [24], А. Н. Яковлева [25]. Конфликтологические последствия политизации ислама в Крыму определены усилиями В. Е. Григорьянца [8], О. В. Рябцева [18], А. Р. Никифорова [17], А. В. Баранова [2]. Вместе с тем, на периферии исследовательского внимания остаются вопросы политической институционализации исламских объединений Крыма, практики их активности и ресурсы влияния в период украинского правления в регионе. Этим вызван выбор профиля нашей статьи.

Цель исследования – определить параметры политической институционализации исламских объединений в условиях многосоставного общества (на примере Автономной Республики Крым в 1992 – феврале 2014 г.).

Теоретико-методологическая основа работы – неоинституционализм [20]. Данный подход позволяет выявить реальные, а не только декларируемые параметры политических процессов. Важная черта неоинституционализма – понимание институтов как принятых «правил игры» в обществе, как одобряемых и воспроизводимых практик – повторяемых действий (Дж. Марч, Дж. Олсен) [26]. Институты обуславливают мотивы и способы деятельности. Политическая институционализация – это процесс обретения субъектами политики, организациями и практиками устойчивости, закреплённости в общественном сознании и нормах регуляции общественных процессов. Институционализация совершается не только в правовом аспекте (обретение юридического статуса), но и в социокультурном пространстве (влияние ценностей, ориентаций и установок поведения, идентичности религиозной организации на общество в целом).

Эмпирическая база статьи включает в себя нормативно-правовые акты Украины и Автономной Республики Крым по вопросам государственно-конфессиональных отношений; решения и заявления Межлиса крымско-татарского народа, Духовного управления мусульман Крыма; материалы переписей населения 2001 и 2014 гг.; итоги анкетных и экспертных опросов; материалы периодической печати и сети Интернет.

Формирование исламских объединений в Крыму стало следствием массовой репатриации крымских татар, начавшейся в 1989 г. Народы, традиционно исповедующие ислам, составили (по Всеукраинской переписи 2001 г.) 270,4 тыс. чел. (11,3% совокупного населения Автономной Республики Крым и г. Севастополя), в том числе крымские татары – 245,3 тыс. чел. (90,7% крымской уммы) [21; 22]. Важно, что территориальное расселение крымских татар крайне неравномерно. Они составляли в 2001 г. от 20 до 30% жителей в 9 сельских районах из 25 (степных и предгорных: Белогорском, Ленинском, Нижнегорском, Кировском, Симферопольском сельском, Бахчисарайском, Первомайском, Советском, Джанкойском). Ни в одном из крупных городов Крыма нет крупной татарской общины (в Симферополе – 7%, Евпатории – 6,9%, Феодосии – 4,6%, Керчи – 1,9%, Ялте – 1,3%, Севастополе – 0,5%) [Там же]. Микрперепись, состоявшаяся в октябре 2014 г., подтвердила эти соотношения. Народы, традиционно исповедующие ислам, составили не менее 289,6 тыс. чел. (12,7% жителей Крымского федерального округа). Резко выросла доля крымских татар, назвавших себя «татарами», что является добровольной самооценкой. Крымские татары и татары в совокупности составляют 277,3 тыс. чел. (95,8% мусульман полуострова). Число муниципалитетов, где крымские татары и татары составляют от 20 до 35% жителей, выросло с 9 до 12, включая малые города Судак и Саки [16]. Таким образом, мусульмане Крыма в основном (72%) проживают в сельской местности [Там же], что снижает ресурсы их влияния.

Крым – это многосоставное сообщество (по А. Лейпхарту) [13], поскольку оно сегментировано. Этнические и религиозные группы населения имеют обособленные институты и каналы политического представительства, а конституция республики предусматривала полиэтничную автономию, процедуры согласования интересов и обеспечения равенства народов. Социологические данные подтверждают, что в массовом сознании крымчан этническая и религиозная идентичности почти совпадают. Так, считали себя мусульманами 97,8% опрошенных крымских татар, а православными – 84,9% русских и 85,1% украинцев (опрос Украинского центра экономических и политических исследований им. А. Разумкова, 2008 г., выборка 2020 чел.) [11, с. 4]. При этом русское и украинское сообщества имеют малую дистанцию между собой по шкале Богардуса, а крымские татары находятся в относительной изоляции. Опрос Центра им. А. Разумкова 2011 г. показал, что дистанция между русскими в Крыму и крымскими украинцами составляла 2,11 балла, а между русскими и крымскими татарами – 4,22, между украинцами и татарами – 4,10 балла [19, с. 28]. Согласно этому же опросу, считали себя православными 78,9% респондентов, а мусульманами – 8,8% [Там же, с. 30]. Мусульмане Крыма в основном придерживаются ханафитского мазхаба. В меньшинстве хабашиты, оба мазхаба считаются относительно умеренными.

Повестка дня политического процесса в Крыму имела в освещаемый период приоритетные проблемы (с точки зрения исламских объединений):

- политический статус региона (крымскотатарские объединения настаивали на исключительном статусе «коренной нации», ориентировались в перспективе на провозглашение независимого исламского государства в союзе с Турцией);
- гарантированное представительство этноконфессиональных групп в органах власти и местного самоуправления, вплоть до решающей роли организаций «коренной нации» в принятии решений;
- равноправие украинского, крымскотатарского и русского языков, воспринимаемое как средство сплочения своей группы и повышения её статуса;
- решение земельного вопроса и перераспределение сфер влияния в экономике полуострова.

Стратегия органов власти Украины в 1992-2013 гг. состояла в том, что следует использовать политизацию ислама против русского движения за воссоединение и, одновременно, не удовлетворять базовые требования крымскотатарского сообщества. Это создавало взаимовыгодный прагматический союз между украинскими властями и Духовным управлением мусульман Крыма, а также радикальными исламскими объединениями.

По данным Министерства культуры Украины, на 1 января 2014 г. в Автономной Республике Крым были зарегистрированы 2083 религиозные организации, относившие себя к 42 конфессиям. Из них 42,7% наименований – организации Украинской православной церкви. Исламские организации на втором месте – 29,0% наименований, на третьем – различные протестантские конфессии – 20% [9]. 61,6% исламских объединений, входящих в сеть Духовного управления мусульман Крыма, действовали к 2013 г. без государственной регистрации, несмотря на либеральное законодательство Украины, предусматривавшее уведомительный порядок регистрации без экспертизы на наличие экстремизма [7, с. 201-202].

Совокупность исламских общественных объединений Крыма включает в себя следующие организационные виды:

- традиционные институты иерархического типа: общины (джамааты), координируемые Духовным управлением мусульман Крыма (ДУМК), а также с 2010 г. его конкурентом – Духовным центром мусульман Крыма (ДЦМК);
- радикальные институты сетевого типа, действующие автономно: Всеукраинская ассоциация общественных организаций «Альраид» (ориентирована на Саудовскую Аравию и шейха Ю. аль-Кардави); «Нурджулар» (пантюркисты);
- филиалы международных сетевых организаций экстремистского толка: партии «Хизб ут-Тахрир аль-Исламия» и «Ат-Такфир-валь-Хиджра», салафитские автономные общины; «Ихван аль-Муслимун» («Братья мусульмане»);
- филиалы международных сетевых организаций традиционалистского толка: «Таблиги Джамаат», благотворительный фонд «Диянет Вакуфи», просветительная организация «Сулейманджи» (спонсируются Турцией).

Степень их влияния на мусульман Крыма оценить сложно. Опрос Центра им. А. Разумкова (2011 г.) показал, что пути развития исламского сообщества 59,7% респондентов связывали с секулярным «турецким путем», а 22,1% – с теократией, «как в Саудовской Аравии», еще 8,0% выступали за государственный статус ислама в Крыму [19, с. 31]. Опрос крымских татар, проведенный Э. С. Муратовой (выборка 600 чел., конец 2008 г.), выявил: 1/3 респондентов не осуждали «нетрадиционные» течения в исламе [15, с. 30-32]. Опрос Центра им. А. Разумкова (2011 г.) подтвердил повышенную готовность крымских татар в сравнении с русскими и украинцами к незаконным протестным акциям. Были уверены, что примут участие в несанкционированных митингах и демонстрациях, 48,6% крымских татар, 13,1% украинцев и 8,9% русских [19, с. 39]. Таким образом, «зона риска» религиозного и политического радикализма составляла в умме не меньше 30% опрошенных.

Следует учитывать взаимодополнение ресурсов влияния и сетей религиозных и этнических институтов. Так, Духовное управление мусульман Крыма возглавляет муфтий Крыма Э. Аблаев, бессменно избираемый на съезде представителей религиозных общин раз в 4 года. ДУМК координирует свою работу с Меджлисом крымскотатарского народа и Курултаем (совещательным органом народа) через специального представителя меджлиса при муфтияте. Именно Меджлис распределял финансовые ресурсы, идущие на программы помощи репатриированным татарам. Под идейным и организационным контролем Меджлиса находились ряд сайтов, телеканал АТР, основные этнически ориентированные газеты. В 1999 г. был создан Совет представителей крымскотатарского народа (СПКН) при Президенте Украины, до 2010 г. его состав полностью определялся Меджлисом, который, кстати, не имел правовой регистрации. В 2010 г. Президент В. Ф. Янукович изменил порядок формирования СПКН, Меджлису было оставлено право выдвигать только 8 из 19 членов консультативного органа [17, с. 214-215]. Действия ДУМК, несмотря на декларируемую лояльность секулярному государству, конфликтны. Так, в 2000 г. ДУМК приостановило участие в Межконфессиональном координационном совете «Мир – дар Божий».

С середины 1990-х гг. нарастает влияние среди мусульман Крыма нетрадиционных сетевых организаций, как правило, финансируемых Саудовской Аравией. Сказалось также долгое пребывание на полуострове сепаратистов из Чечни, проходивших здесь лечение. Партия «Хизб ут-Тахрир аль-Исламия», призывающая к созданию всемирного халифата и единству мусульман всех национальностей, действует в Крыму с конца 1990-х гг. Партия уделяет повышенное внимание воздействию на молодежь, наладила выпуск газеты, насчитывает в Крыму до нескольких тысяч сторонников. Социологический опрос, проведенный Э. С. Муратовой в 2008 г. (выборка 600 чел.), показал, что доверяющий партии слой верующих – это на 83,3% сельские жители и на 62,5% – мужчины. Среди сторонников хизбутов есть ядро: 20-25% респондентов, которые соблюдают

все обряды веры [15, с. 36-37]. Первыми акциями «Хизб ут-Тахрир» в Крыму стали митинг против интервенции стран НАТО в Ирак (2003 г.) и протест против увольнения имама соборной мечети в Симферополе Р. Мустафаева (2004 г.), рассчитанные на максимальное внимание общественного мнения. Муфтият ДУМК осенью 2004 г. уволил 10 имамов – сторонников «Хизб ут-Тахрир», что вызвало захваты мечетей хизбутами [3, с. 58-64]. Среди последних акций – массовый митинг осенью 2012 г. в Симферополе против фильма «Невинность мусульман», охранявшийся хорошо организованными отрядами самообороны [5]. Весной 2013 г. появились сообщения о вербовке хизбутами крымских мусульман на войну в Сирии, несколько боевиков погибли. В горах Крыма создавались военизированные лагеря подготовки экстремистов. После воссоединения Крыма с Россией на «Хизб ут-Тахрир аль-Исламия» распространен федеральный запрет в качестве экстремистской организации, она ушла в подполье. Хотя многие приверженцы «Хизб ут-Тахрир» покинули Крым, но партия, по заявлению руководителя информационного офиса украинского отделения Ф. Амзаева, «продолжит свою деятельность на территории Крыма» [7, с. 206-207]. Можно предположить сотрудничество Меджлиса и «Хизб ут-Тахрир» против российских интересов.

Прослеживается активное влияние на мусульман Крыма салафитских сетевых объединений, ориентированных на Саудовскую Аравию и страны Персидского залива. «Зонтичной структурой» для них выступала Всеукраинская ассоциация общественных объединений «Альраид», пропагандировавшая взгляды «Братьев-мусульман», делавшая акцент на исламизацию славянских народов Крыма. По мнению тогдашнего председателя Меджлиса М. А. Джемилева, в Крыму в 2007 г. было 500-600 салафитов. Украинская же газета «Сегодня» оценивала их численность в несколько тысяч [27, с. 175]. Муфтий ДУМК Э. Аблаев был недоволен позицией органов власти Украины, заявляя, что они «дали зеленый свет» исламистам и «ставят палки в колеса институциям традиционного ислама» [10, с. 210]. В основном салафиты проявляют активность в Бахчисарайском районе, Перевальненской долине, пригородах Симферополя и в степном Крыму. Также в 2009 г. Служба безопасности Украины пресекла в Симферопольском районе деятельность организации «Ат-Такфир-валь-Хиджра», готовившей теракты.

Среди пантюркистских религиозных структур представляет опасность организация «Нурджулар» во главе с Ф. Гюленом, делающая ставку на методы «мягкой силы»: идеологический контроль над административными и интеллектуальными элитами, студенчеством. В 2010 г. под г. Севастополем выявлен склад с экстремистской религиозной литературой «Нурджулар», призывающей к воссозданию Османской империи [7, с. 207].

При внутренней неоднородности исламские объединения Крыма имеют достаточно широкое поле взаимодействия. Анкетный опрос, проведенный Э. С. Муратовой в 2008 г., позволил установить степень популярности различных институтов и уровень толерантности. Так, во всей выборке считали для себя обязательными все решения муфтията ДУМК 44,3%, считали обязательными часть решений 39,3%, вообще не прислушивались к решениям 6,5%. Наиболее негативно относились к муфтияту приверженцы «нетрадиционных» течений [15, с. 26-35]. Глубинные интервью, проведенные в 2013 г. Н. В. Куц и Э. С. Муратовой с лидерами и рядовыми участниками религиозных организаций (выборка 36 чел.), дали возможность определить мотивы и сферу сотрудничества. Опрошенные представители ДУМК, ДЦМК, «Альраид» и «Хизб ут-Тахрир» сошлись в том, что Меджлис полезен как представительный орган, спланивающий мусульман. Близость позиций респондентов отмечена и в критике государственной политики Украины, как и в крайне негативной оценке советского прошлого [12, с. 17-19, 22-25].

Исламское сообщество в Крыму испытывало в начале 2010-х гг. рост ожиданий межгосударственного и межэтнического конфликтов, причем восприятие данных угроз крымскими татарами значительно отличалось от восприятия русскими и украинцами. Массовый опрос, проведенный Центром им. А. Разумкова в 2011 г., содержит важную информацию. Воспринимали Украину как свою родину 82,0% крымских татар, 81,2% украинцев Крыма и только 66,8% русских. Среди респондентов – крымских татар считали, что угроза им исходит от НАТО, 18,5%, а среди русских так полагали 52,8%. Угрозу в лице России ощущали 12,4% татар и 4,5% русских на полуострове. Ожидания ухудшения уровня безопасности в ближайшие 3-5 лет признали 51,1% крымских татар, 28,7% русских и 28,2% украинцев [19, с. 32-37].

Основными формами политической активности исламских объединений в конфликтологическом аспекте были: соперничество за символическое пространство Крыма («крестоповалы», воссоздание мечетей, медресе, культовых памятных мест); самозахваты земельных угодий; создание военизированных группировок; «историческая политика» – борьба за выгодную трактовку событий прошлого: участие в выборах. Как доказали крымские географы А. Б. Швец [23], А. Г. Шевчук [24] и А. Н. Яковлев [25], большая часть конфликтов становилась блоковыми, то есть невозможно отделить прагматические политические требования от ценностных – религиозных и этнических.

Новым явлением в системе исламских объединений Крыма стало создание в 2010 г. умеренных организаций – Духовного центра мусульман Крыма (ДЦМК) (муфтий Х. Р. Велиев), движения «Поколение Крым» (лидер Р. Бальбек), партии «Милли Фирка» (лидер В. Абдураимов). Они стремились ограничить влияние М. Джемилева и Э. Аблаева. Как показали события воссоединения Крыма с Россией, эти организации сыграли положительную роль в ослаблении религиозного и этнического радикализма, создали противовес ДУМК и Меджлису [2, с. 210-211]. Но анализ их политической деятельности хронологически выходит за рамки статьи.

Сделаем выводы исследования. Параметрами политической институционализации исламских объединений Крыма выступают тип строения, численность сторонников, сплоченность руководящих слоев, групповая идентичность и стратегии действия.

В этнодемографии и ареале расселения мусульман Крыма за 1992-2013 гг. произошли кардинальные изменения. Данная конфессиональная группа стала третьей по численности на полуострове, ареал расселения

распространился из степных (малоресурсных) районов на предгорные и, отчасти, южнобережные. При этом крымские татары остаются более аграрным по типу расселения народом, нежели русские и украинцы.

Доказана гипотеза, по которой Крым является многосоставным сообществом, что создает риски обособления этноконфессиональных групп. Между религиозными и этнополитическими организациями нет отчетливой грани, они постоянно взаимодействуют и обмениваются ресурсами. Стратегия органов власти Украины в 1992-2013 гг. состояла в том, что следует использовать политизацию ислама против русского движения за воссоединение и, одновременно, не удовлетворять базовые требования крымскотатарского сообщества. Это создавало взаимовыгодный союз между украинскими властями и Духовным управлением мусульман Крыма, а также радикальными исламскими объединениями.

Институциональный тип строения исламских объединений Крыма сочетает иерархический и координационно-сетевой принципы. При этом сетевые формы строения более эффективны и получают нарастающее распространение с конца 1990-х гг.

Совокупность исламских общественных объединений Крыма включает в себя организационные виды:

- традиционные институты иерархического типа, координируемые Духовным управлением мусульман Крыма, а с 2010 г. отчасти его конкурентом – Духовным центром мусульман Крыма;
- радикальные институты сетевого типа, действующие автономно: Всеукраинская ассоциация общественных организаций «Альраид», «Нурджулар» (пантюркисты);
- филиалы международных сетевых организаций экстремистского толка: партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислямия» и «Ат-Такфир-валь-Хиджра», салафитские автономные общины; «Ихван аль-Муслимун» («Братья-мусульмане»);
- филиалы международных сетевых организаций традиционалистского толка: «Таблиги Джамаат», благотворительный фонд «Диянет Вакуфи», просветительная организация «Сулейманджи» (спонсируются Турцией).

Тенденции развития общественного мнения мусульман Крыма в 2000-2011 гг. по политическим вопросам таковы: рост идеологических и прагматических различий; сегментация по географическому и возрастному признакам; снижение доверия к органам власти и местного самоуправления, повышение готовности к неконвенциональным действиям. «Зона риска» религиозного и политического радикализма составляла среди мусульман в 2011 г. не меньше 30% опрошенных.

Перспективы неконфликтной артикуляции и агрегации интересов исламских объединений Крыма, их интеграции в секулярное общество, обеспечения конфессионального мира связаны с кардинальным переформатированием институционального пространства региона, с ростом влияния умеренных религиозных организаций.

Список литературы

1. Аетдинов Э. Х. Этнополитическая мобилизация как реакция на внешние вызовы: кейс крымскотатарского национального движения // Политэкс. Политическая экспертиза. СПб., 2009. Т. 5. № 3. С. 49-64.
2. Баранов А. В. Крымскотатарское движение: тенденции конфликтности и участия в миростроительстве // Власть. 2015. № 1. С. 209-212.
3. Богомолов А. В., Данилов С. И., Семиволос И. Н., Яворская Г. М. Исламская идентичность в Украине. Изд-е 2-е, доп. Киев: Стилюс, 2006. 200 с.
4. Богомолов О., Данилов С., Семиволос І. Політичний простір Криму: між «руським миром» та ісламським світом // Національна безпека і оборона. Київ, 2011. № 4-5 (122-123). С. 53-58.
5. В Симферополе исламисты провели митинг против «Невинности мусульман» [Электронный ресурс]. URL: <http://novocrimia.ru/crimea/405673.html> (дата обращения: 28.11.2013).
6. Вишняков В. Г. Крым: право и политика. М.: ЮРКОМПАНИ, 2011. 620 с.
7. Гарас Л. Н. Религиозный фактор в социально-политических процессах: крымское измерение // Политэкс. СПб., 2014. № 2. С. 199-214.
8. Григорьянц В. Е. Распространение нетрадиционных исламских течений в Автономной Республике Крым // Черноморский вестник. М., 2010. № 3 (14). С. 100-110.
9. Звіт про мережу церков і релігійних організацій в Україні станом на 1 січня 2014 р. [Электронный ресурс]: Наказ Міністерства культури України від 19.03.2014 р. № 167. URL: <http://mincult.kmu.gov.ua/mincult/uk/publish/article/354806> (дата обращения: 21.08.2015).
10. Корнізвський О. Політизовані ісламістські формування та рухи як загроза стабільності та цілісності держави // Етнічність і власть: національне і регіональне измерение новой архитектуры безопасности в Европе. Севастополь: Вебер, 2010. С. 207-212.
11. Кримський соціум: лінії поділу та перспективи консолідації (аналітична доповідь Центру Разумкова) // Національна безпека і оборона. Київ, 2009. № 5 (109).
12. Куц Н. В., Муратова Э. С. Прошлое, настоящее и будущее крымских татар в дискурсе мусульманского сообщества Крыма. Киев: К.І.С., 2014. 64 с.
13. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997. 287 с.
14. Мальгин А. В. Крымский узел: очерки политической истории Крымского полуострова, 1989-1999. Симферополь: Новый Крым, 2001. 160 с.
15. Муратова Э. С. Крымские мусульмане: взгляд изнутри (результаты социологического исследования). Симферополь: Эльиньо, 2009. 52 с.
16. Национальный состав населения по итогам переписи населения Крымского федерального округа 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://fond-sblizhenie.ru/nacionalnyj-sostav-naseleniya-po-itogam-perepisi-naseleniya-krymskogo-federalnogo-okruga-2014> (дата обращения: 21.08.2015).
17. Никифоров А. Р. Политические процессы в крымскотатарском движении (2010-2013 гг.) // Вестник Севастопольского национального технического ун-та. 2013. Сер. Политология. Вып. 145. С. 214-218.

18. **Рябцев О. В.** Крымско-татарское национальное движение: современное состояние и перспективы развития. Ростов-на-Дону: Изд-во Сев.-Кав. науч. центра Высш. школы Южн. федерал. ун-та, 2007. 163 с.
19. **Ставлення жителів Криму до імовірних загроз та допитань, які мають значний конфліктний потенціал** // Національна безпека і оборона. Київ, 2011. № 4-5 (122-123). С. 27-39.
20. **Хантингтон С.** Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
21. **Численность и состав населения Автономной Республики Крым по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 года** [Электронный ресурс]. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/crimea/> (дата обращения: 21.08.2015).
22. **Численность и состав населения Севастопольского горсовета по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 года** [Электронный ресурс]. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/sevastopol/> (дата обращения: 21.08.2015).
23. **Швец А. Б.** Паспортизация социокультурных противоречий в Крыму // Геополитика и экогеодинамика регионов. Симферополь, 2008. Вып. 1-2. С. 76-78.
24. **Шевчук А. Г.** Регионализация этноконфессиональных процессов в социокультурном пространстве Автономной Республики Крым // Этнокультурные и межконфессиональные отношения в Крыму: сб. науч. тр. Симферополь: Антикава, 2013. Вып. 3. С. 64-75.
25. **Яковлев А. Н.** Особенности локализации социокультурной конфликтности в Крыму (2011-2012 гг.) // Этнокультурные и межконфессиональные отношения в Крыму. Симферополь: Антикава, 2013. Вып. 3. С. 43-50.
26. **March J. G., Olsen J. P.** The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // American Political Science Review. Washington, 1984. Vol. 78. № 3. P. 734-749.
27. **Temnenko Z.** Hizb-ut-Tahrir – Raise of Political Islam in Crimea // Этничность и власть. Региональные, национальные и глобальные проекты. Севастополь: ЭКОСИ – Гидрофизика, 2008. С. 174-175.

POLITICAL INSTITUTIONALIZATION OF ISLAMIC ASSOCIATIONS UNDER THE CONDITIONS OF MULTICOMPONENT SOCIETY (BY THE MATERIALS OF THE AUTONOMOUS REPUBLIC OF CRIMEA)

Nunuev Said-Khamzat Makhmudovich, Ph. D. in History

Chechen State University

nunuev2015@yandex.ru

The article identifies the parameters of the political institutionalization of Islamic associations under the conditions of multicomponent society (by the example of the Autonomous Republic of Crimea in 1922 – February 2014). The author identifies changes in the ethno-demography and residential area of the Muslims in Crimea, defines the institutional structural type of the Islamic associations. The paper discovers the manifestations of the growth of the influence of the extremist organizations – “Hizb ut-Tahrir al-Islami” party, the Salafis. The researcher focuses on the tendencies for the development of the Crimean Muslims’ public opinion on political issues.

Key words and phrases: Islamic associations; political institutionalization; multi-component society; Crimea.

УДК 7.012.23

Искусствоведение

В статье представлена роль рациональной составляющей креатива в практике дизайн-проектирования. Автор раскрывает принципы креатива в контексте инновационного направления интеллектуальной разработки дизайн-концепции в графическом дизайне: новизны (оригинальности) и практической целесообразности. Обосновывается авторская идея зависимости креативности дизайн-решения от наличия новизны (оригинальности), практической целесообразности, а также от степени соответствия идеальной модели дизайн-объекта.

Ключевые слова и фразы: креатив в графическом дизайне; креативность дизайн-решения; рациональные предпосылки креатива; характеристики креатива в графическом дизайне; критерии креативности дизайн-решения.

Овчинникова Раиса Юрьевна, к. искусствоведения, доцент

Омский государственный технический университет

O-R-U@mail.ru

РАЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КРЕАТИВА В ГРАФИЧЕСКОМ ДИЗАЙНЕ®

Исследуя методологические вопросы дизайна, современные авторы обосновывают ключевую роль творчества (креатива) в дизайнерской деятельности. Иными словами, полагают они, креативный поиск является сущностью проектной деятельности [2, с. 16; 7; 8, с. 23]. В рамках этого направления существует более жёсткая позиция, согласно которой ставится знак равенства между креативом и дизайном. Так, В. Д. Курушин объекты графического дизайна характеризует как «визуальные креативы» [6, с. 11].

Традиционно творчество являлось категорией философии, психологии и культуры и выражало смысл собственно человеческой деятельности. В последние два десятилетия термин «креатив» (от англ. *create* – создавать, творить) стал широко востребованным в характеристике особенностей дизайн-проектирования. Производный